

05.02.2013

Д. Хворостовский: «Главное — не мельчать»

Прошлой осенью прославленный оперный баритон отметил свое 50-летие. Однако тогда пышных празднеств устраивать не стал, так как был занят в серии оперных спектаклей «Бал-маскарад» в Мете (так артисты и зрители называют знаменитый нью-йоркский театр Метрополитен-опера), да и не принято на Западе громко отмечать свои юбилеи. Но в конце января Хворостовский дал в Петербурге и Москве два больших юбилейных гала-концерта, собрав оперную сборную мира: мексиканского тенора Рамона Варгаса, итальянское сопрано Барбару Фриттоли, меццо-сопрано Екатерину Губанова, двух басов, братьев Аскара и Ильдара Абдразаковых, композитора Игоря Крутого, а также симфонический оркестр под руководством американского дирижера Константина Орбеляна. Это был настоящий бал оперы, с сольными выходами, дуэтами, трио и квартетами, звучали также камерная музыка и кроссовер. Трогательным получился номер: «Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера!», в котором наши артисты пели на русском, Барбара Фриттоли — на итальянском, Рамон Варгас — на испанском.

— Дмитрий Александрович, как вы обычно отмечаете день рождения?

— Абсолютно спокойно. Как правило, работаю. Так было и на этот раз, 16 октября. Я был в Нью-Йорке, где шли спектакли «Бала-маскарада» Верди, так что само празднество было намечено на 20-е. В этот день приехали многие мои друзья, моя семья: жена Флоша, дети Максим и Нина (жена Дмитрия — итальянка, певица Флоранс Хворостовская (до замужества — Илли), в 2003 году у пары родился сын Максим, в 2007-м — дочь Нина. — Прим. авт.)... Получился теплый, замечательный праздник, но в десять вечера я ушел спать, хотя празднество продолжалось где-то до часу ночи. Мои родители приехали через несколько дней, и, кстати, это был их первый визит в Нью-Йорк... Так что от самого дня ничего не зависит. Помню, когда я только-только перевалил рубеж «50», ощутил какой-то шок от этой цифры применительно к себе, но постепенно вернулся в свое обычное состояние, поняв, что никакого кризиса нет, и в пятьдесят лет жить и петь тоже можно (улыбается).

— В каком возрасте поняли, что будете артистом, певцом?

— Я и не думал о том, что непременно им стану. Просто пел. Я любил петь один, когда не было никого дома. Помню, бабушка заставляла меня петь гостям, что для меня было как наказание, потому что я должен был пересиливать себя, пересиливать свое стеснение, робость. Но когда начинал петь, то забывал обо всем.

С детства я знал, что такое петь по-настоящему, выражать свои мысли и чувства, петь сердцем. До сих пор не могу просто так взять и спеть, с пол-оборота. Я не такой человек, мне всегда нужно, если позволено так выразиться, воспарить над реальностью, над землей, для того чтобы открыть рот и запеть. Поверьте, это не очень просто. Нужен большой эмоциональный посыл. И это все идет с детства.

Я воспитывался в семье, где всегда звучала классическая музыка. Мой отец, прекрасный пианист, очень любит Шопена, Рахманинова, Листа, Чайковского, и, сколько себя помню, всегда слышал, как он занимается на фортепиано. «Времена года», «Детское тетради», этюды Шопена — мне эти произведения стали очень близки. Голоса Собинова, Неждановой, Шаляпина — они были моими путеводными звездами. Впервые услышав голос Марии Каллас, я начал понимать итальянскую музыку, полюбил музыку Верди. Голос Петра Герасимовича Лисициана я всегда любил, преклонялся перед ним.

— Три года назад вы представили программу «Дежавю» из песен Игоря Крутого... Этот альянс вызвал немало споров, многие ваши поклонники недоумевали: зачем вам понадобилось связывать свое имя с автором эстрадных шлягеров?

— В этой работе Игорь превзошел сам себя. Музыка интересная, по жанру трудно определить: это и традиционная русская песня, романсовая, и стилизованная итальянская песня. Тем не менее стилизация достаточно красивая. Французская песня, такой шансон. Есть музыка, написанная в стиле лаундж, или хаус-мюзик. Есть какая-то бардовская стилизация. Как минимум четыре-пять разных стилей. В аранжировке использовано очень много разных сил. Был записан двойной альбом — 24 композиции. Это очень большой труд, хотя и экспериментальный... Я, чем взрослее становлюсь, тем чаще пускаюсь во всяческие, порой рискованные, эксперименты. Но стараюсь помнить о чувстве вкуса и меры — за них просто не могу перейти. Хотя с годами эти рамки сильно изменились. То, что я сделал с тем же проектом «Дежавю» Игоря Крутого — знаете, лет десять назад о таких экспериментах я и подумать не мог. Но все течет, все меняется.

Мало кто решится исполнить 24 песни — такого диапазона, в различных стилях, на разных языках. Но сделанные нами 24 песни все-таки не пошли в народ, проект оказался элитарным. А там есть очень талантливые композиции, мелодии. Возможно, стоит перевести все тексты песен на русский язык, сделать оркестровки для небольшого состава, и в этом случае я вполне мог бы гастролировать с этой программой.

— В конце января увидел свет ваш новый диск «In this Moonlit Night» («Этой лунной ночью»)... Какие произведения вошли в него?

— Уже несколько лет подряд мы записываемся с моим концертмейстером, известным эстонским пианистом Ивари Илья. Сделали различные программы. Прошлым летом записали религиозную и светскую музыку с Академическим Большим хором «Мастер хорового пения» Льва Конторовича, которая в ближайшее время тоже выйдет на диске. В альбом «In this Moonlit Night» («Этой лунной ночью»), который был записан в Большом зале Московской государственной консерватории, вошли шесть песен Петра Чайковского, созданных композитором в последний год жизни, «Песни и пляски смерти» Модеста Мусоргского — цикл для голоса с фортепиано, а также романсы

Сергея Танеева («Бьется сердце беспокойное» и другие). Мусоргский под рояль звучит очень интересно, произведения Танеева, замечательного композитора, достаточно редко исполняются...

— Скажите, классическое вокальное искусство способна сегодня тронуть молодого зрителя, чей мозг зомбирован попсой, роком, рэпом?

— Я абсолютно убежден, что любые поколения всегда будут восхищаться классической музыкой. Но не любой и не в любом исполнении. Должны быть, прежде всего, яркие артисты, чья сила искусства, сила переживаний, передачи эмоций плюс к тому наше пение не могут не убеждать, не восхищать.

Главное — не мельчать. Должно быть высокое вокальное мастерство, но ты должен владеть своим телом, уметь перевоплощаться, быть прекрасным актером. Должен быть спортсменом, акробатом, кем угодно. Но при этом петь в тех традициях, на которых зиждется оперное искусство.

— Дмитрий Александрович, почему вы выступаете в оперных спектаклях лучших западных театров, но не российских?

— Я готов рассмотреть предложение и Мариинского, и Большого театра об участии в оперных спектаклях, но пока таких реальных проектов не возникает, а сам навязываться я не люблю. Возможно, стоит подождать гастролей Ковент-Гарден или Мете в России, но, насколько мне известно, они пока не запланированы. Есть ситуации, которые, к сожалению, не только от меня зависят. Но мне как оперному певцу грех жаловаться на не востребованность. Осенью я пел в «Бале-маскараде» в нью-йоркском Мете. Уже в феврале и марте в Метрополитен-опера будет возобновлена постановка оперы Верди «Дон Карлос», где я спою партию Родриго, а вместе со мной на сцену выйдут Рамон Варгас и Бабара Фриттоли — мои друзья, приехавшие на мой юбилей в Петербург и Москву. В апреле в венской Штаатсопер состоятся четыре спектакля «Евгений Онегин», где партию Татьяны исполнит Анна Нетребко, а я стану Евгением Онегиным. В мае — четыре спектакля «Риголетто» по опере Верди в неапольском Театре Сан-Карло.

— А когда состоится ваш юбилейный тур в честь 50-летия по России? Приедете ли вы в Мурманск?

— Такого тура не будет. Концертов в двух столицах вполне достаточно. В начале февраля я дам концерт в Волгограде, вместе с Оркестром Константина Орбеляна, в апреле спою в Ижевске, 7 мая — в Мурманске, а 19 мая мы вместе с Аней Нетребко дадим большой концерт на Красной площади.